УДК 343.988(049.32)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.3.1461-1472>

Г. Н. ГОРШЕНКОВ¹

¹Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

РЕЦЕНЗИЯ

на учебное пособие П. А. Кабанова, Р. Р. Магизова «Криминологические размышления о виктимологии»

Горшенков Геннадий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; почетный вице-президент, Российская криминологическая ассоциация; почетный профессор, Санкт-Петербургский международный криминологический клуб
Адрес: 603115, г. Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, 4, тел.: (831) 218-90-83
E-mail: gen7976@yandex.ru

Цель: оценка представленной авторами сложной системы взглядов на виктимологический аспект современной науки криминологии через призму критического восприятия рецензента.

Методы: диалектический метод и системный (а также выделяемый из него синергетический) подходы как универсально-методологическая основа исследования и общенаучные методы аналитической проработки произведения (анализ и синтез, обобщение, сравнение, абстрагирование, моделирование и др.).

Результаты: представлен аналитический обзор авторского исследования отраслевой криминологической теории, обращенной к изучению жертвы преступления с акцентом на определенные ключевые аспекты. Под жертвой преступления в учебном пособии предлагается понимать физическое или юридическое лицо, которому в результате совершенного преступления непосредственно или опосредованно причиняется физический, материальный (имущественный) или моральный вред либо подрывается его деловая (профессиональная) и/или политическая репутация. Под потерпевшим в работе понимается более узкий круг физических лиц, т. е. только тех жертв, которым вред преступлением причинен непосредственно. В рецензии отмечается актуальность издания, отвечающего запросам современной криминологической науки и практики, научная и практическая значимость систематизированного авторами материала, в котором содержатся важные положения научной мысли в основных сферах или перспективных направлениях развития виктимологии как криминологической отрасли. Дается оценка размещенным по главам положениям о жертве как главной категории виктимологии, классификации жертв, личностных и неличностных факторах виктимизации, а также приоритетным направлениям, в которых авторам видится развитие криминологической виктимологии. Предлагаются коррективы определений некоторых основных понятий, новые аспекты исследуемой проблемы.

Научная новизна: в работе впервые представлена проблематичная картина виктимологии как одного из основных аспектов криминологической науки и его перспективных направлений научного исследования.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении и изучении вопросов, связанных с совершенствованием профилактики преступлений, прежде всего специальной правоохранительной деятельности и обеспечивающей ее соответствующей отрасли криминологической науки.

Ключевые слова: виктимология; виктимогенность; виктимность; виктимологическая профилактика; жертва преступления; ситуация; защита; классификация; фактор; виктимологическое воздействие; виктимологическое направление

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Как цитировать статью: Горшенков Г. Н. Рецензия на учебное пособие П. А. Кабанова, Р. Р. Магизова «Криминологические размышления о виктимологии» // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13, № 3. С. 1461–1472. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.3.1461-1472>

G. N. GORSHENKOV¹

¹Nizhniy Novgorod State University named after N. I. Lobachevskiy, Nizhniy Novgorod, Russia

REVIEW

of a tutorial by P. A. Kabanov, R. R. Magizov "Criminological reflections on victimology"

Gorshenkov Gennadiy Nikolayevich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Nizhniy Novgorod State University named after N. I. Lobachevskiy; Honored Vice President, Russian Criminological Association; Honored Professor, Saint Petersburg International Criminological Club
Address: 4 Ashkhabadskaya Str., 603115, Nizhniy Novgorod, tel.: (831) 218-90-83
E-mail: gen7976@yandex.ru

Objective: to evaluate the authors' complex system of views on the victimological aspect of modern criminology through the prism of critical perception of the reviewer.

Methods: dialectic method and systemic (and synergetic, extinguished from it) approaches as a universal methodological basis for research and general scientific methods of analytical study of the work (analysis and synthesis, generalization, comparison, abstraction, modeling, etc.).

Results: the article presents an analytical review of the author's research of the branch criminological theory addressed to the study of the crime victim with an emphasis on certain key aspects. The victim of crime is interpreted as a physical or legal person who, as a result of a crime, suffered direct or indirect physical, material (property) or moral harm or their business (professional) and/or political reputation was undermined. In the work, the notion of a victim refers to a narrower circle of individuals, that is, only those who suffered the harm directly caused by a crime. The review notes the relevance of the work, meeting the needs of modern criminological science and practice, and the scientific and practical importance of the material systematized by the authors, providing important scientific ideas in the major fields or promising directions of developing victimology as a branch of criminology. The article assesses the provisions on victim as the main category of victimology, classification of victims, personal and non-personal factors of victimization, as well as the priority areas in which the authors see the development of criminological victimology. Corrections of definitions of some basic concepts, new aspects of the investigated problem are offered.

Scientific novelty: the paper presents for the first time a problematic view of victimology as one of the main aspects of criminological science and its promising areas of scientific research.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities in the consideration and study of issues related to the improvement of crime prevention, especially law enforcement activity, and the relevant branch of criminological science.

Keywords: Victimology; Victimologist; Victimization; Victim prevention; Crime victim; Situation; Defence; Classification; Factor; Victimization effect; Victimology area of studies

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

For citation: Gorshenkov G. N. Review of a tutorial by P. A. Kabanov, R. R. Magizov "Criminological reflections on victimology", *Actual Problems of Economics and Law*, 2019, Vol. 13, No. 3, pp. 1461–1472 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.3.1461-1472>

Наконец-то размышление по существу. Еще не было такого выразительного анализа проблемы «виктимология» в таком предметном, целенаправленном *криминологическом* осмыслении. Исторически сложилось относительно *общее* представление в области осмысления и изучения жертвы преступления как научной категории. Это объяснялось тем, что, как в свое время заметил Л. В. Франк, основоположник

русской криминологической виктимологии, «криминология в трактовке многих буржуазных ученых развивалась как всеобъемлющая наука о преступлении и преступнике, поглощающая все криминальные дисциплины» [1, с. 29]. Кстати, рецензент, и не только он, и ныне рассматривает криминологию, но не как всепоглощающую, однако, с одной стороны, дающую дисциплинам антикриминального цикла питательную

энергию научной мысли о генезисе преступности, а с другой стороны, поглощающую питательную энергию из этих родственных ей дисциплин.

Например, тот же уважаемый Л. В. Франк и его единомышленник Ю. М. Антонян в свое время рассматривали виктимологию как «междисциплинарную отрасль научного знания, отдельную, самостоятельную научную дисциплину, выступающую как вспомогательная для криминологии, криминалистики, уголовного права и уголовного процесса» [2, с. 15–16].

И сегодня российский криминолог А. В. Майоров, разрабатывающий проблему виктимологии, констатирует, что теоретические разработки «вышли далеко за рамки криминологической науки» [3, с. 4]. Более того, он видит в виктимологии «запредельно криминологические» перспективы, ибо жертва преступления «обладает всеми признаками, характеризующими общее междисциплинарное понятие жертвы, пострадавшей как от воздействия иного лица (лиц), так и животных, механизмов, природных явлений и т. п.» [3, с. 14].

Каждый ученый волен определять предмет и целесообразность своего исследования – сугубо индивидуального или корпоративного, при совпадении интересов. Ученые П. А. Кабанов и Р. Р. Магизов¹ исходят из предмета криминологии, т. е. обращаются прежде всего к причинности виктимности и возможностям «перекрыть кислород» виктимогенности как «производительной силы» виктимности.

Виктимность – качественная составляющая безопасности, точнее антикриминального ее сектора. Обеспечение безопасности – это система взаимосвязанных усилий различных отраслей права и регулируемых ими видов деятельности, направленной на исключение обстоятельств, продуцирующих в конечном счете криминальную угрозу.

Однако во всем этом важен стержневой, криминологический аспект, ибо здесь речь идет не только о теоретической разработке *конкретизированной* проблемы, но и *практической* востребованности научных разработок в деятельности по обеспечению защищенности реальной безопасности жизни человека от преступного посягательства.

Данному аспекту научного исследования и посвящена рецензируемая работа П. А. Кабанова и Р. Р. Магизова. Невольно вспомнилось предыдущее рецензированное произведение, принадлежащее им же [4].

В той и другой книгах ученые ставят, можно сказать, одну и ту же, двуединую задачу: во-первых, информировать читателя о состоянии современной криминологии (в первой книге), а теперь вот и одной из ее отраслей, криминологической виктимологии (в настоящем произведении), и, во-вторых, показать дополнительно основные направления исследования указанной криминологической проблематики в обозримом будущем.

Рецензента, знакомого с «панорамным» освещением предыдущего предмета исследования, т. е. самой науки криминологии, и обилием предложенных тогда авторами идей, заинтересовало такое же смелое авторское намерение предоставить читательскому вниманию палитру современных проблем одного из направлений криминологии – учения о жертве преступления, или криминологической виктимологии.

Рецензент начал знакомиться с книгой, открыв ее... на заключительных страницах, где излагались вопросы современного состояния и перспектив развития криминологической виктимологии (гл. 6). В главе излагается обзор общих и частных вопросов современной виктимологии, перспективы исследования которых «прорисованы» в соответствующих научных направлениях – как сложившихся, так и инновационных, т. е. более востребованных в современной науке и практике (с. 81).

При этом авторы излагают свои взгляды и на ненаучную, т. е. «публицистическую», «популярную», проблематику криминальной виктимологии, переводя ее в условный жанр «популярной криминальной виктимологии», которая призвана, по мнению авторов, решать две видимые им задачи: формирование криминологико-виктимологического мировоззрения населения, что просвещает людей в вопросах виктимологической безопасности, и усвоение учебного материала (более легкого его восприятия и точного понимания) в вузовских аудиториях (с. 84). В этом, надо признать, авторы оказались редкими исследователями, обратившими свое внимание на такую необычную тему – «ненаучную науку».

Между тем, как свидетельствуют американские ученые, сама наука криминология зарождалась имен-

¹ Кабанов П. А., Магизов Р. Р. Криминологическая виктимология: учеб. пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 118 с.

но в недрах *ненаучного осмысления преступления*, больше того, это было похоже на науку, но в том смысле, как совершить преступление, «для всеобщего и обоюдного распространения самых черных пороков и преступлений» [5, с. 235].

Здесь же весьма уместно сказать и о русской лубочной литературе XVII–XVIII вв. и особенно XIX в., в которой также находила отражение тема преступления и наказания, изготавливались картинки и тексты назидательного (виктимологического) характера, или русские народные картинки...

В рецензируемом издании речь идет о перспективных направлениях «развития виктимологии, в том числе и криминологической виктимологии» (с. 81). Авторы употребляют и другие термины: «мировая виктимология», «отечественная виктимология», «криминальная виктимология» (с. 83). При этом авторы не раскрывают их значение, очевидно, полагая, что читателю они известны, что представляется сомнительным. В связи с этим было бы целесообразно в этой совокупности терминов и распределить, или классифицировать, их в соответствии со статусным критерием, т. е. значением.

Например, что касается общей виктимологии, то, по убеждению рецензента, ее как таковой все-таки не существует. С учетом прошедшего времени, отпущенного на развитие криминологии, можно смело утверждать, что так называемая общетеоретическая виктимология остается, скорее, в виртуальном образе. Как абстракция она лишена жизненного смысла, ибо абстрагирование есть формально-логическое, т. е. оторванное от существенных, свойств, связей или закономерностей реального объекта по имени *Victima*. В свое время подобная оторванность от жизни вменялась классической школе криминологии (в широком понимании термина как комплексного учения о криминале).

Так концепцию общей виктимологии представляет И. Г. Малкина-Пых, однако осмысливает ее как *специальную социологическую* теорию, в которой доминирует *социально-психологическая* область знания, изучающая всех лиц, оказавшихся в кризисном состоянии, т. е. жертв преступления, стихии, катастроф и т. п. Точнее было бы назвать данную концепцию виктимологии социально-психологической теорией. Рецензент имеет в виду раннее издание книги И. Г. Малкиной-Пых «Психология поведения жерт-

вы», которое представляет собой не учебное пособие по общей виктимологии, а скорее «справочник» для *практикующих психологов и психотерапевтов* [6].

Виктимологию в широком, или, как указывают авторы, «*предельно широком или интегративном*» (с. 9) смысле разрабатывают современные специалисты, уходя за параметры антропологического подхода, которого придерживаются авторы (с. 7–8). По мнению «максималистов», к жертве преступления следует относить общество, государство и международный порядок. И почему бы не добавить сюда и саму планету Земля как реальную жертву, претерпевающую причиняемый человечеством вред преступным отношением, и как потенциальную жертву убийства.

Например, эта проблема во всей своей мрачности представлена в книге Катрин Страшевски «Как люди убивают планету» [7]; затрагивает ее и известный «практикующий криминолог» (как он себя называет) доктор юридических наук В. С. Овчинский (выступление на XXXII Международной Балтийской криминологической конференции в Петербурге 21 июня 2019 года²). По убеждению рецензента, речь нужно вести не о гипотетической общетеоретической виктимологии, а о едином виктимологическом языке криминологической и любой другой виктимологии, или ее *терминосистеме*. Частных виктимологических концепций, как и криминологических в целом, может быть сколько угодно. И авторы это отмечают.

Важно, чтобы термин соотносился только с одним научно определенным понятием, т. е. имел однозначность, одну дефиницию или краткое логическое определение понятия, в котором выражены наиболее существенные, отличительные признаки объекта, например, «жертва», «виктимность», «виктимологическая концепция», «виктимологическая профилактика», «виктимологическая безопасность» и др. К сожалению, такой юридической строгостью криминологическая терминология не отличается. И уже одно это обстоятельство заметно нивелирует нормативистский (юридический) характер криминологии в целом.

Соответствующим образом должна быть упорядочена, русифицирована терминология, т. е. в ней

² URL: <https://youtu.be/7zViHWbivIc> (дата обращения: 12.07.2019).

должен быть выражен «русскоязычный» смысл (кстати, в этом заключается один из принципов невиско-волжской криминологической школы). Известно, что в отечественной криминологической терминологии чужеземное значение «криминальное», можно сказать, не прижилось, а утвердилось русская форма значения – «преступное».

«Криминальный» – многозначное слово, в переводе с латинского *crime* означает «преступление, правонарушение, криминал, нарушение»; с другого латинского слова, *crimen*, – «обвинение, упрек, обвиняемый, преступник, вина» и др. Отсюда и слово *criminalis*, т. е. в переводе с латинского языка означает «преступный, относящийся к преступлению».

При употреблении данного термина неизбежна двусмысленность: «криминальная социология» («*La sociologie criminelle*» Э. Ферри), «криминальная полиция», «криминальное право», «криминальная жертва», «криминальная виктимология»... В любом из них нерусское «криминал» легко воспринимается как русское «преступный».

В русскоязычном значении должны быть: «Уголовная социология» (Э. Ферри); «уголовная» полиция; «уголовное» право; жертва «уголовного» правонарушения («преступления»); «уголовная» виктимология (теория о жертве преступления) и т. д. Поскольку «уголовная» происходит от древнерусского юридического термина «голова» – «убитый человек», «головник» (убийца), «уголовие» (лишение головы, жизни); отсюда известное выражение «отвечать головой», т. е. «уголовная ответственность»... Больше того, это «головное» значение проф. П. Н. Панченко усматривает в статусе уголовного права, т. е. «головного», «главного» права; «главное» в том смысле, что без него никакого порядка в обществе нет и быть не может» [8, с. 151].

Естественно, в тех случаях, когда термин «криминальное» означает связь с преступностью, он уместен и его замена на термин «уголовная» нецелесообразна, да и представляется невозможной: «криминальная ситуация», «криминальная культура», «криминальная психология».

Рассуждая таким образом, рецензент переключает внимание на начало произведения, а именно его первую главу «Жертва преступления как категория криминологической виктимологии: понятие и содержание». И буквально в первых же строчках получает подтверждение своих мыслей. Авторы утверждают:

«Наиболее качественно разработаны виктимологические дефиниции в современной криминологической виктимологии» (с. 5). Но сразу же ставят вопрос о качестве этих дефиниций, т. е. логических операций по определению понятий, установлению их содержания и отличительных признаков³.

Например, рассматривая главный термин «жертва преступления», авторы указывают на то обстоятельство, что «в современной виктимологической науке существует как минимум четыре подхода, внутри которых разрабатывается «несколько самостоятельных направлений, взаимодополняющих друг друга» (с. 5–6). В каждом таком направлении, надо полагать, иницируется не одно определение жертвы.

При этом многое зависит от специфики того, кто может быть признан жертвой преступления – физическое или юридическое лицо, социальная группа, институт, семья, в целом общество, государство и даже международный порядок (с. 8). Исследователи (помимо правоведов – философы, политологи, историки, социологи, экономисты, журналисты), в зависимости от сферы их профессиональных интересов, обращают внимание на соответствующие специфические признаки жертв.

Авторы как юристы исходят из догматико-правового подхода и определяют объектом виктимологического исследования две категории лиц – физических и юридических. Таким образом, под жертвой преступления предлагается «понимать физическое или юридическое лицо, которому в результате совершенного преступления непосредственно или опосредованно причиняется физический, материальный (имущественный) или моральный вред, либо подрывается его деловая (профессиональная) и/или политическая репутация» (с. 10). Данное понятие в основном соответствует законодательному определению потерпевшего (ч. 1 ст. 42 УПК РФ), хотя оно, естественно, мыслится более широким по содержанию.

Например, в Постановлении Пленума Верховного суда РФ № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» от 29.06.2010 (п. 5)

³ Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина, С. М. Локшиной, Ф. Н. Петрова (гл. ред.), Л. С. Шаумяна. Изд. 6-е, перераб. и доп. М.: Советская энциклопедия, 1964. 784 с. С. 206.

разъясняется, «что потерпевшим признается физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред (ч. 1 ст. 42 УПК РФ), все иные лица, в том числе близкие родственники потерпевшего, на чьи права и законные интересы преступление не было непосредственно направлено, по общему правилу процессуальными возможностями по их защите не наделяются. Защита прав и законных интересов таких лиц осуществляется в результате восстановления прав лица, пострадавшего от преступления.

Таким образом, понятием «потерпевший» охватывается более узкий круг физических лиц, т. е. только тех жертв, которым вред преступлением причинен непосредственно. Что касается остальных, «косвенных», или «рикошетных», жертв, защита их прав и законных интересов осуществляется в результате восстановления прав того лица, которое непосредственно пострадало от преступления.

Однако рецензент разделяет мнение тех ученых (к ним, безусловно, относятся и П. А. Кабанов, Р. Р. Магизов), которые считают, что при криминологическом подходе «представляется не только ненаучным, но и попросту безнравственным исключать *рикошетных жертв и субъектов преступлений без жертв* из совокупности объектов, охватываемых понятием "жертва преступления"» [9].

Здесь у рецензента возникает идея о новом направлении в криминологическом изучении жертвы – изучение жертвы преступного (в том числе в криминологическом смысле) правоприменения. В частности, рецензент имеет в виду незащищенность жертвы «мнимого преступления» (термин введен проф. Д. А. Шестаковым).

О серьезности этой острой проблемы свидетельствуют события последних дней (ко времени написания рецензентом этих строк): шитое белыми нитками более чем резонансное дело И. Голунова; обращение первого министра здравоохранения России, академика Андрея Воробьева с призывом пересмотреть уголовные дела по так называемым наркотическим статьям и пересмотреть дела осужденных по ним, с тем чтобы установить, «кто еще мог быть незаконно арестован, был невинно осужден, получил несопоставимое с виной наказание по этим статьям [10]; открытое письмо главе государства в поддержку обращения коллеги, подписанное 35 членами РАН, в котором также со-

держится призыв к реформированию уголовного преследования по делам, связанным с наркотиками, где имеют место злоупотребления [11].

Сегодня можно говорить о новом явлении, которое представляет собой сложившийся своего рода «институт заявителей о коррупции». Одним из стимуляторов функционирования института является закрепленная в ст. 9 Федерального закона РФ № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 «Обязанность государственных и муниципальных служащих уведомлять об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений».

Вместе с тем сообщения такого рода не гарантируют их авторам правовую защиту. Практика показала, насколько это для них небезопасно. Это подтверждает и тот факт, что Государственной Думой был принят в первом чтении правительственный законопроект о защите людей, заявивших о коррупции. Однако на пути законотворческого процесса возникли проблемы, о чем сообщили, в частности, «Ведомости» [12].

Кстати, о назревшей проблеме защиты жертвы от «мнимого преступления» свидетельствует внесенный в июне 2019 г. законопроект «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части установления минимального размера компенсации морального вреда за незаконное уголовное преследование». Об этой проблеме высказался и глава государства на пресс-конференции в июне 2019 г.

В целом же авторская позиция импонирует рецензенту, жертва преступления как категория (точнее и выразительнее звучит «проблема») криминологической виктимологии представлена читателю, и далее логически следует более содержательный анализ исследуемой категории и криминологическая группировка жертв преступления (гл. 2).

Классификация как метод изучения в криминологии (виктимологии) представляет собой упорядочивание изучаемых явлений (преступлений, факторов, преступников, жертв и т. п.) путем распределения их на определенные виды по характерным признакам. Критериев виктимологической классификации (и типизации как ее высшего уровня), а соответственно и видов классификаций (типизаций) известно множество, и они представлены достаточно полно и обоснованно.

К сожалению, криминологические классификации порой страдают отсутствием научной строгости.

А происходит это ввиду некорректного определения признаков классификации. Примером тому может служить известная так называемая классическая классификация преступников (первичные, вторичные; мужчины, женщины; взрослые, несовершеннолетние) – в одной классификации три разнородных признака: а) характер посягательства, б) пол, в) возраст.

Аналогично это наблюдается и в отношении виктимологической классификации (типизации), чего, на взгляд рецензента, не избежали и авторы, излагая типизацию жертв по такому критерию-признаку, как «степень взаимодействия между преступником и жертвой» (с. 20).

Поскольку авторы не приводят характеристику данного критерия-признака, читатель осмысливает ее по-своему. И в этом осмыслении привлекают к себе внимание два элемента – «*взаимодействие*» и «*степень*».

Взаимодействие как важный элемент предмета криминологической виктимологии – это отношения между преступником и жертвой в предкриминальной, криминальной и посткриминальной ситуациях. Познание этих отношений чрезвычайно важно, поскольку благодаря им криминолог имеет возможность проникнуть в генезис, или «историю происхождения», преступления, образно говоря, с его объективной стороны, раскрыв детерминирующую роль в ней жертвы преступления.

Взаимодействие буквально означает взаимное действие, которое рождается, естественно, от совместных усилий (синергий), их слияния. При этом усилия, во-первых, могут не совпадать, иметь противоречивый характер, и тогда возникают *антипатичные* отношения (в ситуации необходимой обороны, защита жертвой имущества от преступного посягательства и т. п.). Это можно наблюдать в поведении инициативной (пресекающей преступное посягательство) жертвы или активно сопротивляющейся посягательству.

Во-вторых, усилия сторон могут совпадать, и тогда между преступником и жертвой возникают *симпатические* отношения (в случае коррупционной сделки, соблазна, обмана и т. п.). И в том и другом случае в разных обстоятельствах сила, или энергия, взаимодействия проявляется в определенной (меньшей – большей) *степени*.

Таким образом, представляется, что рассматриваемый критерий следует дополнить еще одним

элементом – «*характером*». По аналогии с оценкой общественной опасности. По характеру взаимодействия может происходить как непосредственно, так и опосредованно (через средства массовой коммуникации, особенно Интернет).

Например, исследователь Т. В. Макарова, анализируя по степени взаимодействия отношения между преступником и жертвой преступления террористического характера, выделяет две категории жертв – прямых (четыре вида) и косвенных.

К косвенным, или опосредованным, жертвам она относит, во-первых, физических лиц, которым, как известно, лично не причиняется вред; во-вторых, различные государственные, политические, общественные образования, население в целом и другие категории, которых террористы принуждают принимать нужные им решения [13].

Но авторы прекрасно понимают сложность рассматриваемой проблематики и не считают представленный ими обзор криминологической группировки единственным и полным. Они рекомендуют для успешного освоения учебного материала обращаться к другим источникам (с. 23). А таких источников в списке литературы указано даже с избытком – 232.

Следующая, третья, глава – о виктимологической оценке последствий современной российской преступности – оказалась трудно воспринимаемой для рецензента. В частности, приведенный авторами впечатляющий *массив* (здесь и далее – курсив автора) статистических данных, хотя и представляет собой определенное структурное образование периода анализа, 2009–2014 гг. (динамика изменения преступности и криминальной виктимологии в соответствии со структурой жертв, криминальной виктимностью женщин и несовершеннолетних, криминальной опасностью, смертностью и травматизмом различных видов и последствий и т. п.), *не имеет привязки к источникам* (не указаны ссылки на них).

Сопоставление авторских данных с имеющимися у рецензента официальными данными [14] только подтверждает высказанную авторами мысль об очевидных недостатках официальной криминальной статистики, а именно неполноты и искаженности показателей, на которые указывают криминологи (с. 25).

В связи с этим у рецензента возникают вопросы по поводу ряда положений, высказанных в пособии. Например, авторы утверждают, что *темпы снижения*

преступности выше темпов снижения криминальной виктимности в обществе (с. 29–30). Во-первых, не представляется корректным сравнение темпа роста преступности с темпом снижения криминальной виктимности общества. Темп, вспомним, является «процентным» показателем, т. е., если в итоге что-то в сумме получается больше 100 %, это рост, меньше – снижение. В отношении преступности это понятно, но вот что означает «темп снижения криминальной виктимности общества», вряд ли будет понятно обучающимся (впрочем, как и рецензенту).

К тому же авторы, судя по официальной статистике, апеллируют к абсолютным статистическим показателям: в 2016 г. – 2 160 100 преступлений и 1 344 200 жертв; в 2017 г. – 2 058 500 преступлений и 1 417 400 жертв [14, с. 251, 255]. Однако, во-первых, речь идет только о той категории жертв, которые признаны потерпевшими, во-вторых, далеко не все жертвы (неустановленные, неопознанные, косвенные и т. п.) признаются потерпевшими; в-третьих, не все преступления сопряжены с потерпевшими.

В криминологическом понимании можно сказать, что жертва преступления есть в любом случае, если исходить из широкого толкования виктимологии. Однако потерпевший устанавливается далеко не в каждом преступлении. По подсчетам рецензента (были использованы данные, приведенные в статье Н. Э. Мартыненко [15, с. 21]), в период с 2008 по 2012 гг. ежегодно в массе всех зарегистрированных преступлений доля преступлений, по которым были установлены потерпевшие, составляет в среднем 75,8 %. Средний количественный показатель разницы составляет 683 669 преступлений, т. е. без наличия в них потерпевших.

В настоящей главе дана в большей мере «цифровая» характеристика собирательного образа жертвы преступления, или проявления криминально-виктимного поведения.

Глава 4 – о виктимологических факторах и ситуациях криминального поведения – вызывает больший интерес и побуждает к размышлениям. Авторы обратились к весьма сложной проблеме – *виктимологическому аспекту причинности преступления*, или, как пишут они сами, *криминальному поведению*.

Прежде всего, напрашивается реплика в отношении утверждения «нет даже такой научной категории, которая бы раскрывала проблемы взаимодействия

преступника и его жертвы» (с. 50). Но что тогда означает категория «виктимология»?

Авторы употребляют в качестве синонима устоявшегося в литературе термина «жертва преступления» термин «жертва криминального поведения». Хотя в представлении рецензента преступление – это акт поведения человека. Но, как и в отношении предыдущих употребляемых терминов, авторы не раскрывают их значение, полагая, видимо, что для читателя это азбучные истины. Однако, как указано в аннотации, «работа предназначена для лиц, изучающих криминологию либо криминологическую виктимологию в образовательных учреждениях». «Для изучающих», но еще не изучивших, в том числе терминологию. И в этом отношении представляется необходимым по ходу изложения темы давать определение каждому без исключения термину, особенно за которым стоит понятие ключевой категории (например, как это сделано по отношению к «виктимности»).

Суть виктимности авторы раскрывают в известной «потенциальной или реальной способности (курсив рецензента. – Прим. авт.) человека, социальных групп, общностей становиться жертвами преступного поведения» (с. 53).

Но в данном, «виктимологическом», контексте «способность» как особое свойство физического и юридического лица режет слух, поскольку в понимании рецензента жертва преступления тем и отличается, что оказывается сама *неспособной* избежать или защититься (в том числе по не зависящим от нее обстоятельствам) от преступного посягательства.

«Способность» – это «психические свойства индивида, регулирующие его поведение и служащие условием его жизнедеятельности»⁴. Следует подчеркнуть: «*регулирующая*» и «*служащая условием его жизнедеятельности*». То есть *способность* следует рассматривать как особый вид энергии, которая *обеспечивает жизнедеятельность* человека, т. е. создает *позитивные*, благоприятные изменения в биопсихосоциальной системе «человек». Виктимность, служащая условием жизнедеятельности человека, – это очевидный нонсенс, искаженное в научном лексиконе «обыкновенное».

⁴ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1991. 560 с. С. 430.

Например, И. Г. Малкина-Пых глубже всматривается в сущность того, что обозначается этим термином, и дает такое определение виктимности: «*Виктимность* или *виктимогенность* – физические, психические и социальные черты и признаки, которые создают предрасположенность к превращению человека в жертву (преступления, несчастного случая, деструктивного культа и т. д.)» [6, с. 7]. На «синергетическом» языке это определение можно истолковать так: виктимность как *слияние* физических, психических и социальных энергий, которое порождает эффект *виктима*.

Возвращаясь к проблеме единства виктимологической терминологии, рецензент вынужден обратить внимание на *кажущуюся* ему излишней увлеченность авторов *синонимией* (употреблением разных слов для выражения одного смысла, наверное, в целях усиления выразительности речи, избегания в ней однообразия, что некстати нивелирует грань между научным языком и публицистическим). В частности, в изложении вопроса о виктимологических факторах фигурируют опять же различные термины.

Первый из них, в порядке изложения, – «виктимологические факторы преступности» (как явления, процессы и состояния, *находящиеся в причинной связи* (курсив рецензента. – *Прим. авт.*) с совершенным... преступлением» (с. 54). В качестве реплики следует заметить, что уголовно-правовой термин «*причинная связь*» имеет отнюдь не причинную, а *функциональную* связь, т. е. связь деяния и общественно опасных последствий, что важно для юридической оценки преступления. А вот эта связь уже детерминирована, в частности, виктимогенными факторами.

Их авторы опять же обозначают по-разному: «виктимогенные факторы», «криминогенные виктимологические факторы» (с. 55), «виктимогенные факторы криминального поведения» (с. 56). Все они, как можно понять из текста, синонимичные. Хотя определение «виктимогенные» логически (метод-то авторами применяется формально-логический) предполагает и выделение других родственных факторов – «антивиктимогенный», «нейтральный». Слово «фактор» в переводе с латинского, как известно, означает *нейтральное* «делающий», «производящий», т. е. это движущая сила (чего угодно, а не только мерзопакостного).

Теперь по поводу главы 5 «Виктимологическое направление воздействия на преступность».

И сразу же, с первых слов текста, рецензент сталкивается с фактом некритичной приемлемости традиционного «терминологического обыкновения»: «благоприятная криминогенная ситуация» (с. 59). Получается, «благоприятная» означает «приятная», способствующая благу, а не рассаднику криминальной заразы.

Ну а что касается существа содержания данной главы, то оно заслуживает одобрения. Авторы систематизируют очень непростой в разных оценках и интерпретациях исследователей научный материал, обращаются к трем аспектам «виктимологического воздействия на преступность» (по Д. В. Ривману, на которого ссылаются авторы): виктимологической *профилактике*; виктимологической *защите*, или обеспечению виктимологической *безопасности*, виктимологической *помощи* (с. 60).

При этом отмечают, что виктимологическая профилактика выступает приоритетным и перспективным направлением в «воздействии», в книге она представлена достаточно системно, ее концепция хорошо аргументирована.

Что касается защиты и оказания помощи, то авторы правильно полагают, что эти аспекты до сих пор не получили нужного научного осмысления.

В указанных аспектах системы виктимологического воздействия на *преступность* авторы отводят основополагающую роль усилиям трех видов: теории, практики и законодательства. С этим не приходится спорить.

Но вот относительно *объекта* и *цели* профилактического воздействия у рецензента имеются собственные соображения, которые, естественно, не совсем совпадают с авторскими.

Итак, «объектом профилактического воздействия на *криминальное поведение* (курсив рецензента. – *Прим. авт.*) средствами виктимологической профилактики» авторы определяют «виктимность и ее виды... а также виктимологические факторы и виктимогенные ситуации» (с. 65).

Во-первых, как видно из курсива, чуть выше в тексте использован термин «воздействие на преступность», а здесь – другой термин, «воздействие на криминальное поведение» (подтверждение необоснованной синонимии). Преступное поведение рецензент рассматривает как личностную, или социально-психологическую, составляющую преступности, или ее

внутреннюю, содержательную сторону по отношению к внешней, формальной стороне.

Во-вторых, по существу: *объект* – это нечто, *существующее объективно*. В данном исследовании – отношения, возникающие по поводу жертвы преступления (субъективного характера) и в виде системы отношений, именуемых «виктимогенными ситуациями» (объективного характера). *Предмет* – это то, что определяет возникновение, т. е. закономерности виктимизации, или процесса формирования или актуализации виктимности как свойства одного из субъектов указанных отношений, а именно жертвы. В выявлении этих закономерностей и состоит одна из основных задач виктимологии.

«Виктимологические факторы» как «движущие силы», порождающие названные отношения, к объекту причислены быть не могут, точнее, не должны, хотя и органически связаны с объектом – как содержание с формой.

Оригинальным получилось у авторов изложение вопроса об уровнях виктимологического воздействия. Авторы приводят не совсем корректную, но предложенную корифеями виктимологии уровневую модель: «...общесоциальная или общая; индивидуальная и специальная, или целенаправленная» (с. 65). Как известно, методология обязывает проводить уровневое построение от общего через особенное к частному. В данном случае от общего, минуя особенное, следует переход к частному (индивидуальному). Затем определяется третий уровень – специального или целенаправленного. В последнем случае уровневые критерии не так легко объяснить методологически. Эти критерии совсем другого контекста (в отличие от методологического – общее, особенное и частное), к тому же не являются однородными: специальный – неспециальный; целенаправленный – нецеленаправленный, т. е. бесцельный.

Но авторы, отдавая дань уважения ученым, ненавязчиво излагают свое видение моделируемой виктимологической систематики. И данная модель импонирует рецензенту.

Однако в отношении информационных методов виктимологического воздействия у рецензента возникли определенные разногласия. В частности, авторы утверждают: «...в сфере противодействия преступности следует говорить о виктимологической пропаганде, включающей в себя такие элементы, как

виктимологическая агитация и виктимологическое информирование» (с. 69). В связи с этим напрашивается такое пояснение. В криминологии массовой коммуникации информационное воздействие в целях противодействия преступности осуществляется, в частности, следующими методами (и соответствующими видами информационной деятельности): а) собственно правовое информирование, или передача различных сообщений без комментариев, например сообщение в прессе о законопроекте о защите чувств верующих; б) правовая пропаганда, или популярное распространение и разъяснение каких-либо знаний, идей профилактического характера в популярной форме (в том числе, можно сказать, *популярная виктимология*); в) правовая агитация, или призывы вести себя так, чтобы не вступать в противоречие с законом, избегать криминальных ситуаций типа «не оставляй без присмотра» и т. п.

В остальном излагаемые положения о виктимологической профилактике, особенно образовательными методами и средствами, заслуживают одобрения и поддержки.

Авторы рассматривают чрезвычайно актуальную и болезненную проблему реабилитации жертв преступлений. В книге даются определение и характеристика данного вида виктимологического воздействия как целостной многоуровневой системы взаимообусловленных, взаимозависимых и взаимосвязанных мер государства и общества, их институтов, направленных на восстановление нарушенных прав жертв преступлений, компенсацию причиненного им физического, материального и морального вреда, а также на восстановление их деловой (профессиональной и/или политической) репутации (с. 74).

Достаточно полно даются характеристики этой системы, правовых и организационных основ ее функционирования, видах реабилитации. Учитывая неглубокую разработанность концепции данного направления виктимологического воздействия, особенно его информационного аспекта, авторы, следуя своему замечательному принципу перспективного мышления, высказывают соответствующие предложения, которые также заслуживают поддержки.

В целом же книга П. А. Кабанова и Р. Р. Магизова, безусловно, своевременная, отвечающая запросам криминологической науки и практики, в том числе образовательной, единой целью устремления которых

является обеспечение прав и свобод человека путем противодействия криминальной угрозе. Производство инновационного характера стимулирует читательское мышление, вдумчивую проработку предлагаемых положений, побуждает к их собственному осмыслению и определению предложенных дефиниций.

Представляется, что, пройдя апробацию в обозначенных авторами сферах применения своей теории, заполучив желаемую конструктивную критику специалистов, настоящее издание обретет вторую жизнь –

с соответствующими изменениями и дополнениями, которые закономерно возникают по мере стремительного движения жизни, совершенствующейся криминологической практики и вечно не успевающей за ними теории, обреченную на притормаживание своей скорости развития ввиду осмысления и оценки происходящего. Книги начинают стареть еще до момента их издания. И переизданная умная книга открывает перед читателем свою вторую, более яркую и востребованную жизнь.

Список литературы

1. Франк Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе: Ирфон, 1977. 237 с.
2. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. СПб.: Питер, 2002. 394 с.
3. Майоров А. В. Теоретико-правовые основы криминологической модели противодействия преступности: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 46 с.
4. Кабанов П. А., Магизов Р. Р. Современная криминология как наука и учебная дисциплина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. 104 с.
5. Уилсон Дж. Р. Слово «криминология»: филологическое исследование и определение // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 3. С. 227–251.
6. Малкина-Пых И. Г. Психология поведения жертвы. М.: Эксмо, 2006. 1008 с.
7. Стрешевски К. Как люди убивают планету. URL: <https://flytothesky.ru/chto-lyudi-delayut-s-planetoj/> (дата обращения: 12.07.2019).
8. Панченко П. Н. «Расширенная криминология» и реально узкие ее практические возможности (Г. Н. Горшенков. Криминология как «расширенная наука» о преступности: время становления и развития) // Право и государство: теория и практика. 2016. № 1 (133). С. 147–152.
9. Агеева Т. Понятия «жертва преступления» и «жертва нарушения права». URL: <https://bydc.info/analytics/37-ponyatiya-zhertva-prestupleniya-i-zhertva-narusheniya-prava> (дата обращения: 09.06.2019).
10. Бывший министр здравоохранения призвал Путина пересмотреть уголовные дела по «наркотическим» статьям. URL: <https://www.svoboda.org/a/29997398.html> (дата обращения: 19.06.2019).
11. Черных А. Ученые РАН призвали Путина реформировать «репрессивную наркополитику» в России // Коммерсантъ. 2019. 19 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4004558#id1759787> (дата обращения: 19.06.2019).
12. Мухаметшина Е. Люди, сообщившие о коррупции, останутся без защиты. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/06/17/804382-lyudi-korrupsii?utm_campaign=newspaper_18_6_2019&utm_medium=email&utm_source=vedomosti (дата обращения: 18.06.2019).
13. Макарова Т. В. Типология жертв терроризма // Юридические исследования. 2013. № 8. С. 213–226. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=9338 (дата обращения: 09.06.2019).
14. Российский статистический ежегодник. 2018: стат. сб. Росстат. Р76. М., 2018. 694 с.
15. Мартыненко Н. Э. Преступление без потерпевшего: постановка проблемы // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 2 (30). С. 20–23.
16. Кабанов П. А., Магизов Р. Р. Криминологическая виктимология: учеб. пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 118 с.

References

1. Frank L. V. *Victims of crimes and the issues of Soviet victimology*, Dushanbe, Irfon, 1977, 237 p. (in Russ.).
2. Rivman D. V. *Criminal victimology*, Saint Petersburg, Piter, 2002, 394 p. (in Russ.).
3. Maiorov A. V. *Theoretical-legal bases of victimological model of counteraction to crime*, abstract of doctoral (Law) thesis, Yekaterinburg, 2015, 46 p. (in Russ.).
4. Kabanov P. A., Magizov R. R. *Modern criminology as a science and an academic discipline*, Kazan, Izd-vo Kazan. un-ta, 2017, 104 p. (in Russ.).

5. Wilson J. R. The word “criminology”: philological research and definition, *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, Vol. 10, No. 3, pp. 227–251 (in Russ.).
6. Malkina-Pykh I. G. *Psychology of a victim's behavior*, Moscow, Eksmo, 2006, 1008 p. (in Russ.).
7. Strashevski K. *How people kill the planet*, available at: <https://flytothesky.ru/chto-lyudi-delayut-s-planetoj/> (access date: 12.07.2019) (in Russ.).
8. Panchenko P. N. “Expanded criminology” and its actually narrow practical capabilities (Gorshenkov G. N. Criminology as an “expanded discipline” on crime: time of formation and development), *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2016, No. 1 (133), pp. 147–152 (in Russ.).
9. Ageeva T. *Notions “victim of crime” and “victim of law breach”*, available at: <https://bydc.info/analytics/37-ponyatiya-zhertva-prestupleniya-i-zhertva-narusheniya-prava> (access date: 09.06.2019) (in Russ.).
10. *Ex-minister of healthcare urged Putin to reconsider criminal cases on “drugs-related” Articles*, available at: <https://www.svoboda.org/a/29997398.html> (access date: 19.06.2019) (in Russ.).
11. Chernykh A. Scholars of the Russian Academy of Sciences urged Putin to reform “the repressive drug policy” in Russia, *Kommersant*, 2019, 19 iyunya, available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4004558#id1759787> (access date: 19.06.2019) (in Russ.).
12. Mukhametshina E. *People whistleblowing about corruption will be left unprotected*, available at: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/06/17/804382-lyudi-korrupsii?utm_campaign=newspaper_18_6_2019&utm_medium=email&utm_source=vedomosti (access date: 18.06.2019) (in Russ.).
13. Makarova T. V. Typology of the victims of terrorism, *Yuridicheskie issledovaniya*, 2013, No. 8, pp. 213–226, available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=9338 (access date: 09.06.2019).
14. *Russian statistical yearbook, 2018*: stat. sb, Rosstat, R76, Moscow, 2018, 694 p. (in Russ.).
15. Martynenko N. E. Crime without a victim: problem setting, *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, 2014, No. 2 (30), pp. 20–23 (in Russ.).
16. Kabanov P. A., Magizov R. R. *Criminological victimology*, tutorial, Kazan, Izd-vo Kazan. un-ta, 2018, 118 p. (in Russ.).

Дата поступления / Received 24.06.2019

Дата принятия в печать / Accepted 17.08.2019

Дата онлайн-размещения / Available online 25.09.2019

© Горшенков Г. Н., 2019

© Gorshenkov G. N., 2019

ПОЗНАНИЕ

Бикеев, И. И., Кabanov, П. А.

Антикоррупционное просвещение: вопросы теории и практики / И. И. Бикеев, П. А. Кabanov. В 3 т. Т. 3. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. – 240 с. (Серия: Противодействие коррупции).

В книге рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с антикоррупционным просвещением как инструментом противодействия коррупции. Изложены особенности правового регулирования этого инструмента на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, а также особенности оценки качества его организации и осуществления в органах публичной власти и организациях.

Работа предназначена для лиц, реализующих государственную политику противодействия коррупции, научных работников, преподавателей, обучающихся и всех, кто интересуется проблемами коррупции.